

Человеческая комедия

Этюды о нравах

Сельский врач
Сарразин
Пьесы

Оноре де Бальзак

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Этюды о нравах

**СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ
САПРАЗИН
ПЬЕСЫ**

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)

*Перевод с французского
Анны Худадовой, Евгения Гнуста, Веры Вальдман*

Бальзак, О. де

Сельский врач. Сарразин. Пьесы: Сборник / О. де Бальзак; [пер. с франц. Худадова А., Гнуст Е., Вальдман В.]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 704 с.

ISBN 978-5-521-74316-2

Оноре де Бальзак, бесспорно, один из лучших французских романистов XIX столетия, оставивший после себя огромное литературное наследие, в котором запечатлел историю целого общества. В своей «Человеческой комедии», включающей около ста произведений, талантливый мастер создал грандиозную галерею образов — не менее двух тысяч представителей различных сословий. Среди них этюд из сельской жизни «Сельский врач», главный герой которого становится выразителем социально-политических идеалов Бальзака, используя борьбу частных интересов на благо общества, ограничив хищничество богачей при помощи церкви и религиозного воспитания. В сборник также входят три знаковые пьесы автора: «Памела Жиро», «Мачеха» и «Делец», в которых искренняя любовь, бескорыстие, готовность жертвовать собою противопоставляются алчности, тщеславию и погоне за богатством.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Перевод А. Худадовой, наследники, 2020
© Перевод Е. Гнуст, наследники, 2020
© Перевод В. Вальдман, наследники, 2020

ISBN 978-5-521-74316-2

СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ

Сердцам разбитым — мрак и тишина.

Моей матери

ГЛАВА I КРАЙ И ЧЕЛОВЕК

Погожим весенним днем 1829 года человек лет пятидесяти ехал верхом по крутой дороге, направляясь к большому селению, расположенному неподалеку от Гранд-Шартрез. Селение это — центр многолюдного кантона, протянувшегося по долине горной речки с каменистым, часто пересыхающим руслом. В ту пору, наполнившись вешними водами, она бежала бурным потоком по долине, стиснутой двумя кряжами, вставшими друг против друга, а над ними со всех сторон вздымались вершины Савойи и Дофине. Хотя ландшафты между цепями обеих Морьен и схожи, но нигде не найти такого разнообразия местности, такой игры света и теней, как в том краю, по которому проезжал незнакомец. То вдруг долина расширяется, и вы в любое время года видите неровный ковер сочной, пленяющей взгляд зелени, впоенной горными ручьями; то выглядит водяная

лесопильня, мелькнут ее убогие, но живописно разбросанные постройки, склады ободранных еловых стволов и проток, отведенных от бурливого ручья в широкие деревянные желоба, сквозь щели которых пеленой выбиваются струйки воды. Лачуги, разбросанные там и сям, потонули в цветущих плодовых садах и наводят на мысль о трудолюбивой бедности. А поодаль домики под красной кровлей из плоской круглой черепицы, похожей на рыбью чешую, говорят о достатке, приобретенном долголетним трудом. Над дверьми висят плетенки, в них сушатся сыры. Куда ни взглянешь — виноградные лозы, как в Италии, опутали изгороди и заборы, обвили невысокие вязы, листва которых идет на корм скоту. В иных местах холмы по прихоти природы сошлись так близко, что между ними не поместиться ни промышленному строению, ни пашне, ни хижине. Лишь река, шумя водопадами, разделяет две гранитных стены, уходящие ввысь и поросшие елью с темной хвоей и кедром, высотой в сто футов. Деревья эти — стройные, причудливо расцвеченные пятнами мха, разнолистые, встают величавыми колоннадами по обеим сторонам дороги, украшенной пестрой оторочкою из толокнянки, калины, букса, розового шиповника. Свежее благоухание кустарника смешивалось с терпким ароматом горных цветов и пряным запахом молодых побегов лиственницы, тополя и смолистой сосны. Облака пробегали между скал и то заволакивали, то обнажали дымчатые вершины, кое-где такие же воздушные, как тучки, пышные хлопья которых рвались об их уступы. То и дело менялись виды, менялось освещение; горы меняли цвет, склоны — оттенки, доли — очертания, и всякий неожиданный штрих — луч солнца,

пробившийся меж стволами, естественная лужайка, обломок скалы — придавал веренице этих картин особую прелесть среди тишины уединенного уголка, в то время года, когда все молодо, когда солнце озаряет чистые небеса. Словом, то был прекрасный край, то была Франция!

Путешественник, человек рослый, был в синей суконной одежде, вычищенной так же тщательно, как, должно быть, чистили по утрам его лоснившегося коня, на котором он сидел будто влитой, как сидят старые кавалерийские офицеры. Если бы черный галстук, замшевые перчатки, пистолеты в кобурах и выюк, крепко притороченный к седлу, не изобличали в нем военного, то кажущаяся беспечность, которою дышало его смуглое лицо, рябоватое, но с правильными чертами, решительные движения, твердый взгляд и посадка головы — все говорило о военных навыках, ибо от них никогда не отделаться солдату, даже вернувшемуся к домашнему очагу. Всякий на его месте был бы очарован красотами горной природы, особенно радующей взгляд там, где горы сочетаются с большими речными долинами Франции, но офицеру, разумеется, довелось побывать во всех тех странах, куда только ни заносили наполеоновские войны французскую армию, и потому он любовался пейзажем, ничуть не изумляясь его разнообразию. Очевидно, Наполеон искоренил в душе солдата чувство удивления. Поэтому-то невозмутимое выражение лица является безошибочным признаком, по которому наблюдатель узнает людей, некогда соединенных в полки под недолговечными и все же нетленными знаменами великого императора. Путешественник в самом деле был одним из тех вояк — ныне

их увидишь не часто, — которых пощадила пуля, хотя они и участвовали во всех наполеоновских походах. Впрочем, ничего примечательного в его жизни не было. Он храбро сражался, как подобает простому и честному солдату, выполнял свой долг и днем и ночью, и вблизи, и вдали от императора, метко разил саблей, однако зря не наносил ни одного удара. В петлице у него красовалась розетка ордена Почетного легиона, но лишь потому, что после битвы под Москвой весь полк в один голос признал его всех достойней ордена в тот памятный день. Он принадлежал к тем редкостным, сдержанным, застенчивым людям, не ведающим душевного разлада, которых унижает даже мысль, что можно хлопотать о себе, и он повыпсался в чинах медленно, согласно закону о выслуге лет. В 1802 году его произвели в лейтенанты, а командиром эскадрона он стал, несмотря на седые усы, только в 1829 году; однако жизнь его была столь безупречна, что каждый, будь то даже генерал, невольно испытывал при встрече с ним чувство уважения, и этого неоспоримого превосходства, конечно, не прощали ему вышестоящие. Зато простые солдаты, все без исключения, выказывали ему чувство, похожее на то, какое питают дети к доброй матери, потому что относился он к ним снисходительно и в то же время строго. Сам он был прежде таким же солдатом, как они, знал их горькое веселье и веселые горести, проступки, извиняемые или наказуемые, называл солдат не иначе, как своими «ребятами», и позволял им в походе отбирать фураж и снедь у горожан. Личная его жизнь была окутана тайной. Он, как почти все вояки тех времен, видел мир лишь сквозь пороховой дым или же в минуты затишья, редко выпадавшие посреди войн,

которые вел император со всей Европой. Думал ли он когда-нибудь о женитьбе? Никто не мог ответить на этот вопрос. Разумеется, Женеста одерживал победы над женщинами, кочуя из города в город, из края в край, бывая на всех празднествах, устраиваемых полком или в честь полка, однако достоверно об этом не было известно. Добродетельным он не притворялся, от веселых пирушек не отказывался, полковых нравов не задевал, но отмалчивался или отпшучивался, когда ему задавали вопрос о его любовных похождениях. Бывало, какой-нибудь офицер спросит его на пирушке: «Ну, а вы, Женеста?», а он отвечает: «Выпьем-ка, господа!»

Словом, в г-не Пьере-Жозефе Женеста, — своего рода Байарде, но без его блеска, — не было ничего поэтического, ничего романтического, настолько он казался человеком заурядным. Весь его вид как будто свидетельствовал о достатке, хоть жалованье и было всем его богатством, а будущее его зависело от пенсии. Наш командир эскадрона, под стать тем старым торговым волкам, которые вынесли из неудач житейскую опытность и осмотрительность, никогда не расходовал жалования целиком и скопил про запас двухгодичный оклад. Карты он недолюбливал, и, когда в компании искали, кем бы заменить выбывшего игрока или кого еще вовлечь в экартэ, он прикидывался, будто его это не касается. Он не позволял себе ничего лишнего, но не отказывал себе в необходимом. Мундир служил ему дольше, чем другим офицерам полка, потому что аккуратность, которую порождает скромное состояние, вошла у него в привычку. Можно было бы заподозрить его в скаредности, когда бы он с таким удивительным бескорыстием, с такой сердечно-

стью не открывал кошелек молодому вертопраху, дотла проигравшемуся в карты или разоренному сумасбродством другого рода. Вероятно, ему самому случилось потерять в игре изрядное состояние, — с такой готовностью давал он займы; он полагал, что судить поступки должника у него нет права, и никогда не напоминал о возврате денег. Для него, детища полка, одинокого как перст, армия была отчим домом, а полк — семьей. Поэтому мало кто доискивался, в чем же таится причина его бережливости, она внушала уважение, ее охотно приписывали вполне естественному желанию скопить побольше на старость. Женеста предстояло получить чин подполковника, и все предполагали, что его честолюбивые стремления сводятся к тому, чтобы выйти на пенсию с полковничьими эполетами и поселиться где-нибудь в глуши. Молодые офицеры, судача о Женеста после маневров, утверждали, что он принадлежит к той породе людей, которые в училище получают первые награды и на всю жизнь остаются честными, исполнительными, не ведающими страстей, полезными и пресными, как белый хлеб, но люди вдумчивые были о нем другого мнения. Подчас взгляд или же замечание, полное горького смысла, какими обычно бывают слова нелюдима, вырывались у него, свидетельствуя о душевных бурях. Вы понимали, глядя на его спокойное лицо, что он умеет обуздывать страсти и таить их в глубине сердца, — а это умение завоевано дорогой ценой, привычкой к опасностям и грозным случайностям войны. Однажды сын какого-то пэра Франции, новичок в полку, сказал, что из Женеста вышел бы добросовестнейший священник и честнейший лавочник в мире.